

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

© 2024 г. В. С. Горбань

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gorbany@gmail.com

Поступила в редакцию 22.07.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика совершенствования историографических подходов к освещению и интерпретации политico-правовых учений. Цель исследования — обзор и обобщение ключевых проблем общетеоретического, методологического и специального характера, возникающих в связи с современной динамикой развития науки истории политico-правовых учений. В качестве условия формирования универсальных, или всеобщих, подходов к историографии политico-правовой мысли, имеющих общезначимый характер, рассмотрена детальная и более глубокая разработка вопросов о характере, содержании и нацеленности национальных литератур и других релевантных источников, позволяющих составить культурный портрет типа развития национальной политico-правовой мысли и освещющей ее литературы. При этом, учитывая особенности национальных моделей реконструкции политico-правовой мысли, необходимо обратить более пристальное внимание на разъяснение и трактовки понятия права, использование дисциплинарных форм освещения предмета юридической науки, понятийный ряд, в котором фиксируются основные контуры предмета истории политico-правовой мысли, а также наличие принципиально иных типов отношения к теоретическим знаниям как таковым (например, в лице англо-американского pragmatизма). В исследовании обращается внимание на принципиально разные по своей литературной композиции, средствам выразительности, характеру бытийно-лингвистической связи, культурным чертам приемы и формы описания истории политico-правовой мысли и ее различных сюжетов.

Ключевые слова: историография, политico-правовые учения, российская историографическая модель, национальные типы развития права, методы историографии права, философия права, аналитическая юриспруденция, англо-американский pragmatism, историческое познание, немецкая философия права.

Цитирование: Горбань В. С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7–22.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляющегося федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224110017

HISTORIOGRAPHICAL MODELS OF RECONSTRUCTION OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

© 2024 V. S. Gorban

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gorbany@gmail.com

Received 22.07.2024

Abstract. The article discusses the problems of improving historiographical approaches to the coverage and interpretation of political and legal doctrines. The purpose of the study is to review and summarize the key problems of a general theoretical, methodological and special nature arising in connection with the modern dynamics of the development of the science of the history of political and legal doctrines. As a condition for the formation of universal or universal approaches to the historiography of political and legal thought, which have a generally significant character, a detailed and deeper elaboration of questions about the nature, content and focus of national literatures and other relevant sources is considered, which make it possible to draw up a cultural portrait of the type of development of national political and legal thought and literature covering it. At the same time, taking into account the peculiarities of national models of reconstruction of political and legal thought, it is necessary to pay closer attention to the explanation and interpretation of the concept of law, the use of disciplinary forms of mastering the subject of legal science, a conceptual series in which the main contours of the subject of the history of political and legal thought are fixed, as well as the presence of fundamentally different types of attitude to theoretical knowledge as such (for example, in the face of Anglo-American pragmatism). The study draws attention to fundamentally different methods and forms of describing the history of political and legal thought and its various plots in terms of their literary composition, means of expression, the nature of the existential-linguistic connection, and cultural features.

Key words: historiography, political and legal doctrines, Russian historiographical model, national types of legal development, methods of historiography of law, Philosophy of Law, analytical jurisprudence, Anglo-American pragmatism, historical cognition, German Philosophy of Law.

For citation: Gorban, V.S. (2024). Historiographical models of reconstruction of political and legal doctrines // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 7–22.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

История политических и правовых учений, являясь одной из фундаментальных и незаменимых для надлежащего изучения права и государства научных дисциплин, служит выявлению, фиксации, объяснению основных закономерностей возникновения, развития, функционирования идей, феноменов и явлений политico-правовой жизни общества. В случае своего удачного, полного и достоверного исполнения она дает представление о содержании, видах, характере и направлениях развития интеллектуального творчества человечества в познании права и государства, позволяет предложить практические рекомендации для совершенствования существующих устоев, практик и принципов государственного строительства, сформулировать образы будущего в развитии политической и правовой культуры общества, системы его государственного управления, правосудия, юридической практики, а также понять природу нынешних (конкретных) вызовов и проблем политico-правового развития.

Для понимания истории политических и правовых учений с точки зрения возможности объективного и полного, достоверного, действительно научного ее освещения и рассмотрения важнейшую роль играет историография¹. У истории политической и правовой мысли как научной юридической дисциплины должна быть внятная и хорошо разработанная историографическая модель. Конечно, сложно представить себе, что в условиях многообразия культур и национально-региональных типов развития такая всеобщая модель историографии современных политico-правовых знаний может быть создана, так как она всегда будет испытывать на себе определенные особенности того или иного взгляда, точки зрения, культурных, языковых и прочих объективных ограничений. Вместе с тем такая цель более чем обоснована и справедлива.

Известный историк и академик А.О. Чубарьян пишет: «Мировая история предстает в международной и в российской историографии как сложный и противоречивый процесс, как взаимодействие центростремительных и центробежных сил, интернационализма, интеграционных тенденций и национальных идей и интересов, объективных явлений и человеческого фактора»².

В качестве примера поиска формы изложения и построения философских дисциплин можно привести размышления и пояснения немецкого философа И. Канта в его «Критике чистого разума», в которой «идея особой науки» — «критики чистого разума» — ограничивается, согласно замыслу

¹ См.: История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1985. С. 27–71.

² Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., 2011. С. 9.

автора, лишь пропедевтикой, т.е. введением к соответствующей системе знаний. «Так как эта система крайне желательна и еще неизвестно, возможно ли и здесь вообще какое-нибудь расширение нашего знания, в каких случаях оно возможно, то мы можем назвать науку, лишь рассматривающую чистый разум, его источники и границы, пропедевтикой к системе чистого разума. Такая пропедевтика должна называться не *учением*, а только *критикой* чистого разума, и польза ее по отношению к спекуляции в самом деле может быть только негативной: она может служить не для расширения, а только для очищения нашего разума и освобождения его от заблуждений, что уже представляет собой значительный выигрыш»³. По аналогии с кантовским пояснением можно заключить, что в области историографии политической и правовой мысли, которая бы претендовала на всеобщий характер, речь должна идти о некой пропедевтической теории, излагающей, выражаясь словами того же Канта, архитектонически основные историографические принципы, на которых строится познание истории политических и правовых идей прошлого и современности. Содержание дисциплины будет непременно совершенствоваться, дополняться, оттавиваться в дальнейшем. Однако в своей основе она должна опираться на понятные и ведущие к расширению наших знаний представления о развитии науки, нацеленной на освещение и анализ теоретических форм осмыслиения сквозных тем политico-правовой мысли, конкретно-исторических условий формирования соответствующих взглядов, их жанровой и культурно-языковой специфики, влияния, пользования идеями и их интерпретации.

Кроме того, идея дополнения доктринального изложения политico-правовых знаний сократическим методом или критикой возможности познания является вполне пригодной и даже необходимой для истории политической и правовой мысли. Критика возможности познания берется в данном случае лишь в созвучии с философией Канта, а не по содержанию. Так, если берутся утверждать, что излагают «философию права в XXI в.», как это сделали авторы одного современного немецкого издания⁴, то это явно ведет к ложному представлению о философии права в XXI в. По своему содержанию данная работа вполне заслуживает внимания со стороны исследователей, интересующихся актуальными

³ Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М., 1994. С. 56.

⁴ См.: Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert / hrsg. von Winfried Brugger, Ulfried Neumann und Stephan Kirste. Frankfurt am Main, 2008.

направлениями философско-правовых размышлений в немецкой литературе⁵.

Наука истории политической и правовой мысли должна стремиться к формированию такой системы политico-правовых знаний, которые бы раскрывали все многообразие типов их развития, сопровождаясь при этом сравнением и сопоставлением различных вариантов толкования ключевых вопросов политической и правовой культуры человечества, их философского и юридического осмыслиения. В некоторой степени это напоминает призывы ученых рубежа XVIII–XIX вв., например П.А. Фейербаха, который размышлял о пользе сравнительного изучения права, правовых традиций, даже типов построения знаний о праве. По мнению немецкого юриста, общей теорией права может стать «универсальная юриспруденция»⁶. Он, в частности, пишет: «Подобно тому, как из сравнения языков вытекает философия языка, собственно языкознание; точно так же из сравнения законов и правовых обычаяв самых родственных и самых необычных народов всех времен и стран – универсальная юриспруденция, наука о законах без названия, но которая только дает свою настоящую, энергичную жизнь каждой имеющей обосновленное наименование науке о законах»⁷.

Об этом также размышлял позднее другой представитель немецкой юридической науки Р. Иеринг, в качестве одного из основных методов формирования общей теории права, которой до этого в общем-то не существовало вовсе, называвший сравнительный метод⁸.

Иными словами, наука истории политической и правовой мысли может быть всеобщей и универсальной, и только в этом случае она будет в состоянии дать на самом деле качественно новое знание для современного общества. Сейчас в основном используются устаревшие и узконаправленные интерпретации истории философии права, истории юридической мысли. С начала XIX в., т.е. с момента возникновения концепций философии истории и начертаний истории философии, появляется история некоторой собирательной философии

⁵ Однако по какой такой причине следовало бы думать, что небольшая группа немецких авторов говорит от имени всей философии права в XXI в., да еще и за весь XXI в.? Тем более это издание, посвященное исключительно немецкой философии права в виде некоторых ее направлений (далеко не всех!), появилось, как пишут его авторы и издатели, лишь с восьмилетним опозданием, подобно «сове Минервы», начинающей свой полет лишь с наступлением сумерек, когда все перемены уже позади, о чем писал Гегель в предисловии к своей «Философии права», хотя авторы прямо возражают этому аргументу.

⁶ См.: *Feuerbach P.J.A. Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft*. München, 1810.

⁷ Ibid.

⁸ См.: *Jhering R. Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil*. Leipzig, 1852.

стран Западной Европы в основном в немецкой интерпретации. Самый наглядный пример – гегелевские работы по философии истории и истории философии. На основе немецкой модели долгое время, в том числе в России, описывалась история философии и философии права. Философия в такой немецкой модели начинается с античных авторов, далее следует история усвоения средневековой холастикой сочинений некоторых античных авторов, прежде всего Аристотеля, для нужд отделяющегося от неразделенной Церкви католицизма; затем рассказывается о возрождении интереса к античности, о новой протестантской философии в Англии и Германии и других странах. Наконец, появляется современная философия, которая представляет собой довольно пеструю палитру учений, концепций, размышлений и т.п. История философии и философии права описывается через соприкосновение с их развитием в западной культуре. Философия права подается как своего рода уникальный продукт, который имеется только на Западе и больше нигде. А например, русская философия права рассматривается с точки зрения приобщения русской культуры к западному просвещению.

Нет никаких сомнений в том, что западная литература имела и имеет влияние в мире, что в отдельных странах Западной Европы были и есть выдающиеся мыслители и просветители. Есть и очень ревностные апологеты ложного и бессмысленного тезиса, анахронизма о том, что философия – это некое уникальное изобретение и продукт исключительно некоторой аморфной западной культуры. В действительности в истории мы имеем дело только с отдельными странами и отдельными мыслителями, а не с какой-то единой философией Запада. Есть французские, итальянские, голландские, шотландские, немецкие мыслители, и философия права в своей исторической реконструкции предстает в виде философий отдельных национальных мыслителей и возможного их влияния на современников или последующие поколения ученых. Их идеи могут, конечно же, мыслиться и описываться как часть чего-то большего и целостного, историко-топографической общности или ареала влияния общего римского политico-правового мышления и латинского языка. Однако на самом деле у философии всегда есть свой национально-культурный облик, и в этом смысле она предстает во множественном числе. Правомерно, вероятно, вести разговор о том, как, например, французская или немецкая философия соприкасается со сквозными темами или (основными) вопросами философии или как она обретает оригинальные черты. Ведь философия, политico-правовая мысль как ее органическая часть изначально, возникла задолго до того, как у западноевропейских стран появились собственные национальные черты в истории.

Если кто-то осмелился бы по-настоящему утверждать, что имеет право на использование названия «философия права», обладает так сказать неким интеллектуальным патентом на это наименование, то это с определенной долей условности могли быть только древнегреческие философы. Вся последующая история философии строилась исключительно на основе осмыслиения, переосмыслиения, трактовки, развития, разбора и прочих трансформаций античных форм интеллектуальной культуры и литературной эстетики. По существу, следовало бы тогда вести речь о философии греков, переработанной в Германии, во Франции, в Италии или в Англии для нужд времени, с учетом достигнутого уровня культуры. Нет ни одной идеи в современной философии, которую мы не нашли бы в трудах античных авторов, не говоря уже о мировой истории мысли. Все остальное есть переработка, развитие и пр. И наоборот, если мы исходим из того, что народы и цивилизации имеют свои типы развития, как считал Н. Я. Данилевский, то, безусловно, существует не только подлинная философия эллинов, но также и итальянская, французская, английская, шотландская, немецкая и т. п. Очевидно, что Китай, Индия, коренные народы Америки, Ближний Восток совершенно не нуждаются в легитимациях их интеллектуальных традиций со стороны каких бы то ни было философов, неважно, живут ли они на Западе или на Востоке. Россия как государство-цивилизация совершенно не нуждается в том, чтобы испрашивать какое-либо право на признание за ней самобытного характера ее интеллектуальной и духовно-нравственной культуры. Россия традиционно исходит из уважения других культур и подходов, настаивает на равноправии культурного и интеллектуального разнообразия.

Удачной и емкой характеристикой значения философов в области права является образ, предложенный Р. Иерингом в его первом венском докладе «Является ли юриспруденция наукой?»⁹. В этом сочинении он сравнивал талантливых философов с путником, идущим навстречу солнцу, который видит рассвет раньше, чем все остальные люди, которые еще спят в долине. Но неужели же, вопрошал немецкий юрист, нужно было ждать, пока, в частности, право рождается в сознании философа, а как же все те массы людей, которые своей кровью и потом должны были отстаивать свое право, сталкиваться с ним в жизни. Одно дело размышления отвлеченного от мира философа, а другое – это живое право действительности¹⁰.

⁹ Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.

¹⁰ См.: Jhering R. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil: Th. 2, Abth. I. Leipzig, 1854. VIII.

Поэтому философия права во все времена – это прежде всего собирательная картина интеллектуального творчества человечества, в которой осмысливается роль права в жизни людей, его сущностные и содержательные характеристики, принципы социального общежития, регулирования совместной жизни людей. Она состоит из событийного и обыденного рядов. Первый явно более заметный, несущий каркас, а второй не такой яркий, но часто не менее важный для понимания действительного характера и назначения глубинных основ представлений о праве и государстве.

Например, сочинение – пасхальная проповедь – митрополита Илариона «О Законе и Благодати»¹¹ является уникальным философским и литературным произведением, в котором изложены также важные идеи из русской политико-правовой мысли. Сочинение уникально еще и потому, что это произведение авторское, что необычно для древних литератур европейцев; оно не имеет аналогий в византийской литературе. Написано поэтически, с определенным ритмом и размером. В его основе христианские идеи, библейские сюжеты, но также русская культура формирующегося политического и правового мышления. По-настоящему большое значение имеют идеи о преемственности в добрых делах, о Ветхом Законе и новой Благодати, о правлении «правдою, мужеством и смыслом» и многие другие, содержащиеся в данном сочинении.

История русской философско-правовой мысли начинается как минимум с этого произведения. Более того, речь идет лишь об источниках, которые дошли до нас в книжном исполнении. Однако реконструкция мысли исторической эпохи может и даже по необходимости должна осуществляться с помощью разных источников, так как интеллектуальная культура народа имеет разные средства выразительности, и сводить ее только к книжности, хотя и важнейшей части внешнего исполнения культуры, было бы явным упрощением.

Уже только названное сочинение Илариона может служить убедительным примером для сравнения с другими странами и традициями. Так, русская литература старше французской, немецкой или английской. В этом легко убедиться, обратившись к анализу работ в области общей литературы. Причем она весьма разнообразна. Однако в историографических моделях истории политической и правовой мысли в подавляющем большинстве случаев ошибочно предлагается в качестве точки отсчета рассматривать лишь вторую половину XVIII в.

¹¹ См.: Иларион (митр. Киевский; XI в.). Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской; пер., вступ. ст., с. 5–27, В. Я. Дерягина; comment. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. М., 1994.

К сожалению, в различных образцах историографии политической и правовой мысли встречаются искаженные представления не только о русской, но и о других типах национальных философско-правовых литератур, включая ложные аргументы, трактовки, фальсифицированные интерпретации¹², а часто просто совершенное незнание или игнорирование других традиций. Это, конечно же, мало способствует развитию науки истории политической и правовой мысли.

Наряду с распространенной гегелевской концептуальной схемой философии истории существуют также, по крайней мере с начала XX в., попытки фундаментально переосмыслить историю с логической точки зрения. В таком ключе сама история понимается не только как предмет исторической науки, но как предмет особым образом направленной философии, а именно как предмет логики. И причем не столько формальной логики, сколько логики, обусловленной определенными философскими веяниями и течениями, логики определенного метода. Например, в трудах известных английских философов истории, таких как Р. Коллинвуд и др., читается требование отказа от истории как событийного и целостного явления, превращение ее в некую беседу о наборе логических предпосылок, при которых те или иные исторические факты признаются или не признаются. В резолюции Европарламента от 17 января 2024 г. «О европейском историческом сознании» предлагается (уже в качестве официального доктринального документа ЕС) понимание истории именно с такой точки зрения, истории с вопросом «Как?», но не истории «Что?». Отношение к истории не просто дополняется новым ракурсом, но обусловливается новыми знаниями, подменяется редуцированной до очень примитивного представления о том, что предполагаются некоторые логические (а на самом деле идеологические) условия для отношения к истории. Отсылка к логике метода наблюдения за сознанием историка, который изучает историю, не должна вводить в заблуждение, так как речь идет о том, что под благозвучным призывом к чистой логике исторического познания, ограниченного до субъективного восприятия истории, экспрессионизма, должны быть выявлены не объективные (общезначимые) характеристики исторического познания, а лишь логические условия работы сознания историка. В работах советских ученых Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева убедительно показано различие категорий «значение» и «смысл»¹³.

¹² См.: Горбань В.С. «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки // Журнал росс. права. 2023. Т. 27. № 12. С. 68–84.

¹³ «Значение, — писал А.Н. Леонтьев, — есть то, что открывается в предмете или явлении объективно — в системе

История существует независимо от того, признаем мы ее или нет. Историческая наука должна развиваться с нацеленностью на достоверность, а не только на субъективные смыслы и впечатления. В контексте истории политической и правовой мысли ориентация на субъективные смыслы и коммуникативные процедуры означивания приведет к полному переписыванию всей системы знаний в искаженном виде. Если история сводится только к логически зафиксированному и объясненному познающему сознанию историка, то тогда (с позиции такой интерпретации) историка вполне может заменить искусственный интеллект, которому будут заданы соответствующие чистые логические формы и параметры. Или же, если какое-то дискурсивное «ведомство», ориентированное на указанную модель, посчитает, что история правовой мысли есть только в странах, которые по каким-либо произвольным критериям будут им названными, например, демократичными, то это будет официально означать, что в соответствующих странах просто нет истории, ни истории правовой мысли.

Если предположить, что европейские ученые действительно хотели бы добиться совершенствования современных подходов к теории и методологии исторического познания, то это как минимум должно сопровождаться прямым и безусловным утверждением принципов достоверности, верифицируемости, уважения культуры и истории других стран, выражением стремления к прояснению спорных или неоднозначных исторических событий путем открытого и беспристрастного профессионального диалога, нацеленности на изучение опыта других государств. Но ничего подобного нет в актуальных доктринальных актах Европы по вопросам исторического сознания. Решающую роль в такой историографии начинает играть идеология, которая имеет вполне ясные исторические предпосылки, но выступает скорее анахронизмом и не соответствует ни темпам, ни характеру развития современного мира.

Политические идеи, правовые конструкции, нормы и институты изучаются в той или иной степени давно. Характер соответствующих знаний разный, и требуется его учитывать при обсуждении политico-правовых идей прошлого и современности, что имеет место далеко не всегда. В основе историографических подходов и моделей могут находиться разнообразные принципы и приемы исследования, которые оказывают существенное влияние

объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость» (см.: Леонтьев А.Н. Эволюция, движение, деятельность. М., 2012. С. 186), а «смысл — это всегда смысл чего-то. Не существует «чистых» смыслов. Поэтому субъективно смысл как бы принадлежит самому сознаваемому содержанию и кажется входящим в его объективное значение» (см.: там же. С. 189).

на структуру и содержание политико-правовой мысли, составляющей несущий каркас соответствующей национальной модели науки. Как правило, в имеющихся историографических исследованиях политico-правовой мысли лишь констатируется хронологически заметная смена приоритетов в разных литературах – то в сторону политической философии и морали, то в сторону строго юридической мысли, – разнообразие хронологических, обзорно-проблемных подходов, портретных приемов отбора и изложения материала. Исторические связи противопоставляются историко-генетическим, когда подчеркивается именно развитие мысли. Указывается на необходимость последовательного ограничения современности от истории, либо, напротив, утверждается, антиисторический подход к пониманию политico-правовых знаний, при использовании которого, среди прочего, полностью стирается грань между историей и современностью.

В различные исторические эпохи, у разных стран и народов может существовать совершенно разное отношение к истории, историческому знанию, к знаниям вообще. В древности отношение к истории носит космополитический характер, а сама она воспринимается и понимается циклически. Такова античная философия и литература или, например литература Древней Руси¹⁴.

Линейное представление об истории появляется позднее, показывая развитие политico-правовых знаний от простых форм к более сложным, теоретически оформленным и методологически разработанным. Наряду с этим философско-логические исследования истории как специального отдельного предмета приводят к разнообразным интерпретациям самой природы исторического знания и отношения к нему. Часто это сопровождается тем, что в центре внимания оказывается не история, в частности, политico-правовой мысли, а то, как с ней работает историк. Причем в данном случае проблема даже не историографическая, а гносеологическая, суть которой сводится лишь к вопросу о том, почему историк признает или не признает те или

¹⁴ «Которая, – как пишет Д. С. Лихачев, – возвышается <...> как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания»; «ощущение значительности и величия мира лежало в основе литературы» (см.: Изборник: сб. произв. литературы Древней Руси / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; вступ. ст. Д. С. Лихачева, с. 5–26. М., 1969. С. 8). «Заключительное нравоучение – это обычно привязка произведения к владеющей литературой главной теме – теме всемирной истории. <...> Притча – это как бы образная формулировка законов истории, законов, которыми управляет мир, попытка отразить божественный замысел. Вот почему и притчи выдумываются очень редко. Они принадлежат истории, а поэтому должны рассказывать правду, не должны сочиняться» (см.: там же. С. 14).

иные факты логически, какие правила он использует для чистого исторического познания. Такой подход мог бы, вероятно, способствовать совершенствованию форм логической интерпретации исторических знаний, в том числе о государстве и праве. На деле же он пока лишь ограничивает историографию шаблонами формального интеллектуализма.

В истории политico-правовой мысли много белых пятен, неполных и недостоверных, а также схематичных и идеологически нацеленных интерпретаций, которые диктуют необходимость совершенствования приемов обеспечения достоверности политico-правовых знаний прошлого и современности, более глубокого и объемлющего исследования национальных литератур, культур и типов развития, а также расширения возможностей сравнительных исследований, вовлечения больших массивов данных по всем существенным вопросам истории и историографии политico-правовой мысли.

Как самостоятельная научная дисциплина история политических и правовых учений существует в основном только в России. Это не значит, что историей политических и правовых идей не занимаются в других странах. В Германии, например, речь ведут о философии права, а история мысли рассматривается как ее своего рода вводная часть, либо она имеет самостоятельную прописку в обсуждении актуальных вопросов современной философии права. В Германии часто утверждается, что философия права и теория права тождественны. Так, А. Кауфман пишет, что их можно разграничить только с исторической точки зрения как два разных наименования одного и того же¹⁵. Поэтому в этой стране доминирует изучение философии права, в которой историческая часть занимает важное место. Несмотря на многочисленные попытки создания немецкими юристами таких дисциплинарных вариантов, как общее учение о праве, теория права, учение о принципах права, все же наиболее употребительным и характерным в немецкой юридической мысли является философско-правовое обсуждение сущностных вопросов права, а остальные дисциплины теоретико-правового характера входят в нее как ее составные компоненты. С 1860-х годов в немецкой юридической литературе бытует устойчивое мнение, что философия права должна рассматриваться как общая часть юридической науки¹⁶, и наряду с правовой доктриной и историей права она есть один из ключевых элементов, обеспечивающих

¹⁵ См.: Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004.

¹⁶ См.: Merkel A. Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur "positiven" Rechtswissenschaft und zum allgemeinen Theil derselben // Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart. 2 Teile in 1. Band 1. Wien, 1874. S. 402–421.

юриспруденции условия ее научности¹⁷. При этом именно в Германии и, по сути, только в этой стране существует принципиальная разница между историей представлений о праве и историей представлений о государстве.

В Англии или в США на протяжении длительного времени пропагандируется принципиальная установка на отказ от любой теории, концепции, понятия. Вообще главным врагом юриспруденции объявляется любая теория. Причем под видом борьбы с избыточным догматизмом вопрос часто ставится об отказе от теории как таковой, как формы знаний. Профессор английского права в Оксфордском университете П. Атия пишет: «Возможно, сегодня найдется не так уж много судей, которые <...> все еще открыто благодарили бы Бога за то, что английское право не было наукой, но я верю, что это чувство продолжает жить. <...> само слово “юриспруденция” оскорбительно для обоняния английского юриста. <...> Английский гений всегда испытывал сильное отвращение и недоверие к теории и принципам. <...> Я не думаю, что кто-то может усомниться в этом общем отвращении английских юристов и судей к теории»¹⁸.

Не случайно еще в начале XIX в. П.А. Фейербах удивлялся тому, что в Англии не существует науки о праве, а есть нечто, что можно назвать совокупностью знаний, но теории права там нет вовсе. Названия «философия права», «социология права», «теория права» в англо-американской литературе употребляются часто совершенно произвольно, либо, как предлагал К. Ллевеллин, в такой форме, как «моя философия права»¹⁹ (прагматическая формула пользования учениями о праве). Англичанину или американцу даже не очень будет понятна идея учения о праве. В лучшем случае это будет символически называться правовой доктриной, в которой будет умещаться вообще все, что связано, так сказать, с высказываниями о праве. Но тогда в качестве предмета изучения мы получаем не теорию, в частности не науку о возникновении и развитии теоретического знания, а именно более или менее упорядоченную для конкретных практических нужд совокупность высказываний, суждений, призывов, лозунгов и прочих фрагментированных и партикуляризованных размышлений.

Поэтому, например, немецкий рационализм и англо-американский прагматизм представляют собой не только разные направления анализа

¹⁷ См.: *Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft?* Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868.

¹⁸ *Atiyah P.S. Pragmatism and Theory in English Law.* London, 1987. Pp. 3, 4.

¹⁹ См.: *Llewellyn K.N. On philosophy in American law // University of Pennsylvania Law Review.* Vol. 82. 1934. No. 3. Pp. 205–212.

права, но вообще являются разными типами мышления, различающимися парадигмами отношения к знаниям и их формам. Отсюда история политической и правовой мысли, описываемая как история учений в данном случае в Германии и США или Англии, часто оказывается неточной уже на уровне адекватного понимания исследуемых объектов. В англо-американской литературе речь не об истории мысли, а лишь о примерах пользования знаниями, выбор которых определяется не хронологическими или обзорно-проблемными критериями, а пригодностью для объяснения того или иного актуального в конкретный текущий момент времени вопроса²⁰.

Учебные и научно-исследовательские программы американских университетов в вопросах изучения направлений политico-правовой мысли в истории отражают партикулярный набор, притом регулярно обновляющийся, тех подходов к анализу практических вопросов пользования правом и совершенствования такого пользования, которые выработала американская культура инструментально-прагматического обращения с правом и которые воспринимаются как актуальные позиции для поиска ответов на текущие озабоченности юриспруденции. В связи с этим и один из отцов-основателей американской юриспруденции в виде т.н. правового реализма О. Холмс, несмотря на программное значение для всей истории американской правовой мысли XX в. и начала XXI в., часто вычеркивается из своеобразного схематичного списка «поколений» приверженцев американского правового реализма по одной простой причине, так как он прямо признавал необходимость теории для развития юриспруденции и – с ограничениями – значение истории²¹.

Во Франции представления о составе и характере политico-правовых знаний существенно отличаются от тех теоретических моделей, которые характерны для немецкой интеллектуальной культуры. Французская юридическая мысль мало похожа на немецкую рациональную теорию права и не является чем-то аналогичным судебной юриспруденции. Юридическая литература во Франции традиционно больше уделяет внимания вопросам общественно-политического характера. Для нее представление о государстве как о политической власти значительно понятнее и познавательнее, чем, например, конструкция немецкого *Rechtsstaat*'а (правовое государство), которая означает прежде всего представление о государстве как бюрократическом аппарате, отложенном механизме.

²⁰ См.: *Горбань В.С., Груздев В.С. О реалистичности правового реализма // Право и политика.* 2023. № 10. С. 24–37.

²¹ См.: *Holmes O.W. The path of the law // Harvard law review.* Vol. X. 1897. No. 8. Pp. 457–478.

Даже немецкоязычные авторы по-разному описывают сами формы, которые должны идентифицировать дисциплинарный характер их взглядов. Например, в популярной книге XX в. австрийского юриста Г. Кельзена перечисляются чуть ли ни все возможные наименования для его взглядов²².

В предмете истории политической и правовой мысли постоянно переплетаются представления и взгляды совершенно разных мыслителей, представителей разных областей знаний. Где-то описываются взгляды философов, в каких-то случаях — государственных деятелей, в других — юристов либо теологов и богословов, социологов, психологов, писателей и т.д. Это вполне закономерно с точки зрения общего хода истории общественной мысли и науки. Все это перемешивается в массу разных представлений, которые, однако, далеко не всегда оказываются полезны и востребованы в юридической науке либо требуют учета специфики литературы и текстов, жанровости, нацеленности, литературоведческих и текстологических аспектов, языковой культуры и пр.

Например, сочинения Ф. Бэкона или И. Канта мы изучаем не на языке их эпохи. Мы читаем, как правило, в переводах на современный нам язык. Это в общем-то логично. Однако мы невольно модернизуем их тексты, характер их мысли. По крайней мере, изучая сочинения мыслителей прошлого, мы должны учитывать и глубоко осваивать проблематику словаря эпохи. Например, имеются переводы немецких юристов конца XVIII — начала XIX в. на русский язык²³. Эти тексты трудно читать сегодня неподготовленному читателю. Однако, например, сочинения Канта того же периода даются в современных нам и в целом благозвучных переводах.

Вот пример перевода учебника уголовного права П. Фейербаха (оригинал 1801 г., перевод 1810 г.): «Всеобщее уголовное право, яко Философия, виновствующая вообще о законных основаниях наказательного права и исполнении оного, есть наука о возможных правах Государства, утвержденных

²² На одной странице он умудряется назвать свои взгляды «учением о праве», «теорией права», «теорией интерпретации права», «правоведением». А в итоге вопреки всем своим уверениям предлагает считать его версию «чистого учения о праве» «органическим учением о праве» (см.: *Kelsen H. Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen; Wien, 2017. S. 21*). Кроме того, само название он пишет исключительно большими буквами, что приводит к «Чистому Учению о Праве» — это своего рода символизм, весьма сакральный, отсылающий к религиозной доктрине, с которой ассоциировал свои правовые идеи и сам автор.

²³ См.: *Фейербах П.И.А. Уголовное право. СПб., 1810. Кн. 1.*

на законах наказательных...»²⁴. А вот как мог бы выглядеть перевод в наше время: «*Всеобщее наказательное право*, как философия, рассуждающая о правовых²⁵ основаниях уголовного права и его осуществлении, — это наука о принадлежащих государству правах, вытекающих из уголовных законов...».

Приведенный фрагмент показывает, что изучение специальной литературы по истории политической и правовой мысли, относящейся к определенной эпохе, должно сопровождаться уточнениями соответствующего словаря, понятийного состава размышлений автора, разъяснением источниковедческих моментов, связанных с модернизацией излагаемых текстов²⁷.

Предположим, что тексты древнерусской литературы излагались бы не путем подбора современных слов и выражений, которые помогают понять смысл текста, а как бы в переводе на современный русский язык. В таком случае мы бы получили весьма модернизированный и легкочитаемый для современного исследователя текст, который явно отступал бы от тех языковых правил и норм, которые действовали во время создания сочинения.

Государством и правом как объектами исследований занимаются разные области знаний, но для юридической науки важна прежде всего история юридической мысли. А такая история, по крайней мере юридической мысли Нового и Новейшего времени, пока даже не написана. Например, об истории зарубежной юридической мысли XIX в. мы знаем по сочинениям немецких философов и в основном некоторых представителей исторической школы права. Но вот что пишет один из самых авторитетных немецких правоведов и философов права второй половины XX в. А. Кауфманн: «В 19 в. гегельянство и марксизм были эпизодами. Различные гегелевские школы, “правые” и “левые”, находились вне духовных течений времени и поэтому почти не оказали никакого существенного влияния на философию права и юридическую науку. Это в принципе справедливо также для Иоганна Готлиба Фихте <...> и, с ограничениями, для Фридриха Вильгельма Шеллинга <...>, который все же имел контакты с исторической школой права (Савиньи и Пухта). В современной философии права,

²⁴ Там же. С. 2.

²⁵ В оригинале “*peinliche Recht*”.

²⁶ В оригинале “*rechtliche Gründe*”.

²⁷ Так, например, одно и то же слово “*Willkühr*”, существенное для философских учений Канта и Гегеля, переводится по-разному: в переводах Канта дается несколько условное «произволение», поскольку это не совсем точно отражает смысл кантовских рассуждений, а в переводах Гегеля предлагается основное словарное значение — «произвол», который противостоит праву.

и не только в Германии, это удивительным образом изменилось; философия немецкого идеализма, в ней также Фихте и Шеллинг, приобретает возрастающее внимание»²⁸. Вместе с тем собственно эволюция юридической мысли в виде крайне разнообразных и многочисленных юридических концепций, учений и теорий немецких авторов освещается лишь фрагментарно, и пока с историографической точки зрения в ее изложении имеется большой пробел.

Г. Гуго, известный немецкий юрист конца XVIII в., предтеча исторической школы права, столкнулся с тем, что «система» права, по Канту, оказывается совершенно не подходящей и не применимой для нужд юридической науки и практики, поскольку Кант измышлял ее, не ориентируясь на содержание права. В итоге Г. Гуго нашел систему в самих источниках римского права, которые определяли преимущественно содержание всей немецкой и общеевропейской юриспруденции²⁹.

Для юридической науки была по-настоящему полезна и интересна история юридической мысли, которая на разных этапах всемирной истории, конечно, не проявлялась однозначно и обособленно, существуя первоначально в русле мифологии, философии. Однако в целом именно юридическая мысль со всеми ей присущими особенностями должна прежде всего интересовать юристов. Все другие области знаний могут быть весьма интересны и познавательны, но должны прослеживаться через влияния, усвоение. Речь идет о том, что предметом истории политической и правовой мысли должна быть история юридической мысли по мере возможности ее идентификации и обособления.

В XIX в. одна из самых популярных жалоб среди юристов состояла в том, что в работах философов они находили лишь пустые абстракции, которые совершенно не объясняли право надлежащим и точным образом, а также были мало пригодны для каких-либо нужд юридической практики. Есть, конечно же, при этом большой соблазн увлечься принципом чистоты в юриспруденции: объяснить право из самого себя, из идеи и чистого понятия, очистить науку права от некоторого набора «наслоений», чтобы они не мешали простому и ясному представлению об интерпретации различных фактов как правовых.

Юридическую науку часто отдают под опеку других наук. В истории такие попытки предпринимались

²⁸ Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Büllesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. S. 70.

²⁹ См.: Hugo G. Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil: Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. Berlin, 1799.

многократно. Для этого были и объективные причины, связанные с развитием интеллектуальной культуры человечества, философии, науки вообще. Связь с философией была теснее всего. Однако юридическое мышление не раз пытались подчинить математике, истории, биологии и физике, социологии, психологии, экономике, политологии, а сейчас кибернетике, информационным технологиям, биоэтике. Обратная реакция вызывала чуть ли не веками тянувшийся призыв и тенденцию к «очищению» юриспруденции от примесей других наук. Это влияло и влияет на отбор материала для изучения политической и правовой мысли, ее истории и места в системе наук.

В настоящее время не убедительность и аргументированность начинают цениться, а количество разделяющих мнение. Постепенный отказ от традиционного понимания истории, а то и вообще исторического знания, исторического процесса приводит к появлению таких представлений об истории политической и правовой мысли, которые произвольно интерпретируют события и явления прошлого. История в образах, стилизованных под всякого рода модернизм с различными приставками, нередко передается в виде свободного обращения с материалом, в лучшем случае в виде экспрессионизма.

Например, аналитическая юриспруденция или аналитическая философия права стали популярными названиями. Разъясняются они, как правило, неточно и по-разному. Однако для придания большей значимости они подвергаются таким историческим реконструкциям, которые нередко приводят к ложным выводам о глубокой доминирующей тенденции аналитического понимания права, связанного якобы с внушительной английской историей юридической мысли. И таким образом переписывается история политico-правовой мысли. На самом деле английская аналитическая юриспруденция – это локальное явление внутри английской юридической мысли XIX в., которое только во второй половине XX в. под влиянием лингвистической философии окрасилось в новую интерпретацию неопозитивистского профиля в трудах Г. Харта и стало популярным направлением обсуждения права. Однако нужно отметить такой малоизвестный науке факт, что аналитической на самом деле называли еще раньше французскую юриспруденцию. Об этом, в частности, писал П.А. Фейербах в 1810 г., отмечая безусловные заслуги французов в деле аналитического понимания права. «Французское законодательство выделило аналитический элемент, который оно оставило юриспруденции, по крайней мере, значительную часть его объема, сделало основной целью своей деятельности общие положения, принципы и правила, фактический синтез правового законодательства, где закон и политика неизбежно объединяются, и, таким образом, оно

стало для нас образцом законодательства, подобно тому, как для нас величайшее творение римлян было и останется образцом внутренне законченной юриспруденции»³⁰. А еще точнее, и об этом писал тот же П.А. Фейербах, аналитической была римская юриспруденция. Поэтому для понимания предмета истории политической и правовой мысли бесполезны произвольные интерпретации на узком историческом горизонте тех или иных направлений.

Кроме того, английская юридическая литература основана на особенностях самого английского языка, который, в отличие от греческого или русского, имеет аналитический характер. Соответственно, то, что соединяется через синтез позитивизма и лингвистической философии в неоаналитическую юриспруденцию в трудах Г. Харта³¹ – открытые текстуры, контекстуальность и прочие особенности, непосредственно связано с морфологической природой английского языка (аналитического). Если внимательно разобраться с природой соотношения бытийного и лингвистического в английском языке в контексте политической философии или юриспруденции, то можно получить интересные выводы об английской аналитической юриспруденции, основанной на английском – аналитическом – языке. Иными словами, у носителя английского языка юриспруденция в принципе аналитична; сам язык диктует ей эту природу. И вот когда мы сталкиваемся с апологетикой аналитической юриспруденции (обычно в ее показной английской интерпретации), то кроме собственно содержания мы получаем явную или скрытую апологетику английского языка и английского типа мышления о праве. Отсюда следует важная для понимания предмета истории политической и правовой мысли черта, суть которой – в необходимости значительно более точного распознавания форм теоретического или pragmatischen мышления, его языковых, культурных, источниковедческих, историографических составляющих. В таком случае та же английская юриспруденция предстает в своем настоящем качестве, что дает возможность увидеть ее положительные и отрицательные стороны.

Взятые сами по себе, в их чистом феноменологическом смысле отдельные политические и правовые сочинения, идеи или учения мало что могут рассказать взятного и достоверного, если при этом не знать те идеино-смысловые, текстологические и литературные, языковые и общекультурные моменты, конкретно-исторические условия, которые выступали доминантами для них в релевантном для

истории политической и правовой мысли событийном ряду³².

Для работы с теоретическими и дотеоретическими формами осмыслиения политических и правовых взглядов мы непременно используем какое-то понятие права, одну из его трактовок, если, конечно же, анализируем не по заранее сформированным лекалам. Так, если право свести только к нормам и содержащим их текстам – рукописным, печатным или выбитым на базальтовом столбе, как законы древневавилонского царя Хаммурапи, – то часто ограничиваются анализом и комментированием норм, причем делая это по образцу современных интеллектуальных практик. Однако это видимая внешняя часть права, форма его фиксации, отображения, его основное средство выразительности. На самом деле проблема понимания права оказывается гораздо сложнее, глубже и содержательнее. За видимым внешним текстуальным слоем даже в глубокой древности кроются слои культуры народа, его поисков в представлениях о справедливом устройстве совместной жизни и целесообразном решения управлеченческих дел, разрешении конфликтов, об устройстве индивидуального быта, общении с богами и пр. В современном обществе это внутреннее содержание права представляет собой еще более сложный феномен, для расшифровывания и считываивания основных характеристик которого необходимо задействовать все элементы изучения человеческой культуры, а именно в качестве познавательных средств и приемов для выявления и обобщения того, что мыслится, чувствуется, переживается, осуществляется и обеспечивается как право, как принцип законного и справедливого порядка, стабильного, безопасного и перспективного осуществления незыблемых начал в индивидуальном и групповом сосуществовании.

Феноменология в основном бессильна что-то безусловно важное сообщить о природе такого

³² Простой пример говорит об этом весьма красноречиво. В начале XIX в. американские переводчики столкнулись с проблемой перевода на английский язык с немецкого названия одного из основных сочинений Р. Иеринга «Цель в праве». Они посчитали, что американский читатель не поймет буквального перевода, в итоге появилось название, взятое непосредственно из текста – одна смысловая фраза. Поэтому в переводе на английский язык «Цель в праве» (в ориг. из нем. «Der Zweck im Recht») (см. *Ihering R. Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904*) выглядит как «Law as a means to an end» («Право как средство для цели») (см.: *Ihering R. Law as a means to an end / transl. from the German by Isaac Husik – lecturer on philosophy in the University of Pennsylvania, with an editorial preface by Joseph H. Drake – Professor of law in the University of Michigan and with introductions by Henry Lamm – justice of the supreme court of Missouri and W.M. Geldart – Vinerian Professor of English Law in the University of Oxford. Boston, 1913*). Теперь эта извлеченная из тестов Р. Иеринга формула часто используется американскими юристами, но уже зачастую без ссылки на оригинал.

³⁰ См.: *Feuerbach P.J.A.* Op. cit.

³¹ См.: *Hart H. The concept of law. 3rd ed. Oxford, 2012.*

феномена, как право. Хотя на ее основе в XX в. возникли и приобрели некоторую популярность феноменологические трактовки права.

Немецкий правовед и философ А. Кауфман, анализируя феноменологическое учение Э. Гуссерля³³, приходил к выводу, что подход последнего — это «чрезвычайно сложный способ познания»³⁴. Ссылаясь на работу сына Э. Гуссерля Г. Гуссерля о «феноменологии ботинка»³⁵, А. Кауфман писал, что это «характерный пример, который показывает, что феноменологический метод функционирует явно только в отношении просто упорядоченных предметов, но не в отношении чего-то сложного, не говоря уже о нормативном, таком как право»³⁶.

Р. Иеринг в своем втором венском докладе, опубликованном позднее в виде расширенного печатного текста «Борьба за право», сравнивал каждое правовое положение, каждую правовую норму в контексте борьбы старого и нового права с полипом, который тысячью щупалец прочно держится за интересы («тысяч индивидуумов и целых сословий») — содержание конкретного права³⁷.

Поэтому изучение права и форм его осмыслиения, понимания, трактовок и направлений его объяснения требует привлечения, выражаясь современным научным языком, больших массивов данных. Право, особенно как предмет науки, — это отнюдь не только нормы, но и идея, и принцип порядка, мира и свободы, и формы бытийствования свободы, равенства и справедливости, квинтэссенция искусства справедливого разрешения конфликтов и управления делами государства.

На протяжении многих столетий после Декарта тенденциозно увеличивал и распространял влияние субъективизм, хорошо известный еще из античной философии, интерес к сознанию человека как единственной достоверной и самоочевидной вещи. После Канта произошел чуть ли не революционной поворот в сторону сознания. Казалось бы, в сознании должно быть отыскано искомое объяснение права. Однако в итоге праву просто стали отказывать в реальности, даже понятие стали объявлять какой-то избыточной теоретической формой для права. Ведь зачем праву собственное понятие, если оно просто распознается повсюду с помощью правовой (психофизиологической) функции мозга

³³ См.: Гуссерль Э. Логические исследования / разр. авт. пер. с нем. Э.А. Берштейн; под ред. и с предисл. С.Л. Франка. СПб., 1909. Ч. 1.

³⁴ Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Bülesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. S. 77.

³⁵ Husserl G. Recht und Zeit. Frankfurt am Main, 1955. S. 14.

³⁶ Ibid.

³⁷ См.: Jhering R. Der Kampf um's Recht. Wien, 1872. S. 14.

(как у Л.И. Петражицкого), обнаруживается лишь в процессе общения, в контексте, «дозавершается» (как ни странно, исключительно по логике английского языка) в конкретных жизненных ситуациях? У таких правоведов, как Р. Штаммлер или Г. Кельзен, которые оба принадлежат к неокантианству, почему-то понятия права нет совсем. А есть чистые формы мышления о праве, средства интерпретации, «приписывания» — любимый термин субъективистов. Одним словом — инструменты отточены и очищены до блеска, но к чему же они применимы, если у права нет реальности?

Право из средства для социальной цели (по терминологии Р. Иеринга) становится средством познания и означивания, так сказать, мельчает. Но если это действительно так, если субъективизм принципиально прав, то ведь это должно вести к признанию большего разнообразия правовых явлений, правовых феноменов, культур и пр. Однако же на деле совсем не так. Право в таких сугубо субъективистских и прочих аналогичных интерпретациях сужается до микроскопических масштабов, до выпаренного чистого, практически дистиллированного, продукта. Речь идет вовсе не о критике субъективизма, а лишь о том, что он явно недостаточен, чтобы ответить на многие вопросы, связанные с пониманием государства и права, с идеальными и реальными характеристиками. Вот, например, базовая простейшая по форме величина, традиционно вкладываемая в понятие права, — это свобода. Но если мы возьмемся повнимательнее изучить, что же означает свобода в философии права, в истории политico-правовой мысли, привлечем знания из области религии, языкоznания, общей литературы, эстетики, культурологии, то убедимся, что словом «свобода» обозначаются несовпадающие явления, а то и существенно отличающиеся. Но тогда та чистая форма логики права, нормативных суждений и прочих аналогичных феноменов, которая построена на определенном *содержании* понятия свободы, разве будет являться всеобщей? Свобода в протестантской философии тяготеет к учению о предопределении, известному еще со времен стоической философии. У Канта речь идет о свободе только как интеллектуальном образе, как вещи в себе, так как у нее нет сопоставимых в опыте объектов. А его всеобщий закон свободы, служащий основанием для формулы определения права, произвольно и ошибочно, как показывает последующая история юридической мысли, исключает мотивы и цели поступков, служит принципиально представлению о согласовании свободы (сфер свободы индивидуумов), а не ее соотношению с представлениями о равенстве и справедливости. Совершенно другое понимание свободы содержится в православной традиции, в святоотеческой литературе, в русской литературе вообще. Важные дополнения

о понимании свободы в русской культуре и литературе даются в работах Д.С. Лихачева³⁸.

Если же математика свободы оказывается изменчивой и не всегда точной, то, вероятно, и право, как математика свободы³⁹, имеет более сложное формальное содержание, т.е. даже в этой традиционно существенной части права и правопонимания⁴⁰.

Академик А.О. Чубарьян, один из авторов шеститомной «Всемирной истории», справедливо напоминает: «Анализ истории человечества невозможен без глубокого понимания роли культуры, трактуемой в самом широком смысле, в контексте социума и социальной истории, <...> как одной из основных характеристик духовной жизни и духовной и идеальной истории человечества. Именно в культуре синтезируются разнообразные стороны и факторы истории»⁴¹.

История литературы сообщает чрезвычайно важные сведения для любой науки о культуре. Разве юридическая литература не является жанром и видом литературы? А теперь обратим внимание на такой факт: историю политических и правовых учений, например, в странах Западной Европы в период рубежа первого и второго тысячелетий нашей эры мы видим традиционно в виде некоторого внушительного набора сочинений и размышлений, нам сообщают источники о целых школах юристов средневековья — гlosсаторах. Однако история литературы поясняет, причем документально, что в этот период общая литература крайне скучна, примитивна либо отсутствует во все. Но тогда спрашивается: как же так получается, что культурный уровень народа остается еще очень примитивным, литература неразвитой или слаборазвитой, но политico-правовое мышление освещается как вполне заметное и зрелое явление? Очевидно, что здесь в упрощенных и схематичных воспроизведениях политico-философских и юридических сочинений средневековых авторов упускается что-то весьма важное, а именно оценка литературного (культурного) уровня эпохи, адекватности понимания стилевой, жанровой, языковой и прочих аналогичных черт.

³⁸ См.: Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2022.

³⁹ См.: Нерсесянц В.С. Право — математика свободы: опыт прошлого и перспективы. М., 1996.

⁴⁰ Например, В. В. Бобынин еще в XIX столетии писал: «История математики, наравне с историей логики и философии, приобретает громадную важность для истории культурного развития человечества — истории, часть которой она составляет. Историк культуры, следовательно, не может игнорировать результаты исследований и выводов Истории математики» (см.: Бобынин В. В. Философское научное и педагогическое значение истории математики. М., 1886. С. 1).

⁴¹ Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. С. 9.

При изучении истории т.н. западного права или условной западной традиции права на самом деле в широкой и объемной исторической панораме складывается устойчивое убеждение, которое подкрепляется множественными доказательствами, о том, что варварским европейским народам в далеком средневековье досталось богатое античное культурное наследство, а все последующее развитие — это не развитие дальше — от него и на его основе, а лишь огромные исторические усилия дорасти, дотянуться до уровня античности. Лишь в XIX в., когда, наконец, в науках, философии, юриспруденции прорывается национальный язык, становится заметным, что европейцы теперь хотят сбросить римское устаревшее наследство — культурное совершенолетие Западной Европы.

Русская философия — она вообще другая по своему композиционному портрету и рисунку, ритму и типу выразительности, тематическому набору и характеру ответов. Ей больше соответствует духовная проповедь, размышления учительного старца, литературная образность, а не математически вычисляемая и технологически конструируемая система рациональных утверждений, как, например, в немецкой философии. Принципиально нет никакой разницы между верой И. Канта во все силие морального закона и верой Л.Н. Толстого во всеобъемлющую роль нравственности. Есть разница в основном в средствах выразительности и типе аргументации. В недальновидных интерпретациях часто звучат такие оценки, что первый выступает исключительно как защитник права и добрых нравов, а второй оказывается почему-то правовым нигилистом и чуть ли не выразителем таким образом особенностей какой-то русской нигилистической склонности в обращении с правом, хотя при этом ничто в творчестве русского писателя не говорит о том, что он был нигилистом, анархистом или сторонником какого бы то ни было беззакония.

Можно ли надлежащим образом понять того же И. Канта, не зная связей его творчества с протестантизмом, на основе которого развивалась чуть ли не вся немецкая философия, начиная с Лейбница? Конечно же, нет. Кантовский агностицизм, типология суждений на аналитические и синтетические для нужд критики чистого разума, представления о моральности, религии, праве и др. либо выделенные им самим в качестве главных вопросов его философии — о Боге, свободе и бессмертии — все они имеют прямую связь с основными положениями протестантизма. Кант предлагает именно философское обоснование протестантских постулатов. Это важно для политico-правовых знаний потому, что, не зная или не обращая внимания на указанные условия и характеристики, популяризуя Канта без достаточного критического анализа или аналитическую юриспруденцию, не обращая

внимания на сокрытую в ней глубокую бытийно-лингвистическую связь, характерную именно для английского языка, соответствующие апологетики создают искусственные проекты, которые не приживаются в другой нравственно-духовной и интеллектуальной среде или создают нерабочие модели. Речь идет только о том, что соответствующая глубокая природа политico-правовых знаний и их идейных основ должна воспроизвестись, изучаться и анализироваться на основе подлинно критического взгляда, достоверной историографии идей, на основе принципиального распознавания, осознания и уважения цивилизационной и культурной идентичности типов развития.

Равно как античную философию невозможно адекватно понять, не зная греческую мифологию, античную эстетику, так с трудом можно уяснить смысл философии протестантской Германии или Англии, не обращая внимания на культуру, язык, литературу, эстетику, общественно-религиозное сознание. Это все необходимые ключи к отысканию истины. Нельзя понять идею логической и исторической необходимости в философии Гегеля, не зная учения о предопределении стоиков, Блаженного Августина, протестантизма, особенно кальвинизма. В русской философии нет темы свободы воли, поскольку православие и русская культура вообще никогда не отрицали свободу воли. Напротив, для протестантов эта тема является одной из самых наущных и непреходящих, так как именно с нее начинает свое вероучение М. Лютер. Поэтому для протестантского философа или юриста (как, например, у Р. Иеринга в его учении о «духе» права, о «цели» в праве) проблема свободы воли является чрезвычайно важной, предопределяющей многие смысловые характеристики его философии. Для русской философии тема свободы воли по-настоящему не могла и не может быть интересна, хотя недрко воспроизвелаась. Дело в том, что понимание свободы разное в различных философских учениях, конфессиональных направлениях, литературах.

В русской философии скорее будет поставлен традиционный вопрос о выборе правильного пути, пути спасения, который может сделать даже самый отчаянный грешник⁴².

Поскольку речь идет об истории политической и правовой мысли как научной дисциплине, то важнейшую роль при этом играет определение ее предмета, контуров и содержания познаваемой сферы. В зависимости от трактовки предмета данной дисциплины возможны самые разнообразные варианты

⁴² Об этом говорит пример Н. Ставрогина, героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы», или содержание вставной притчи «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы» (см.: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман. СПб., 2012. С. 262–282).

ее построения, что в итоге приводит к необходимости сравнения различных трактовок и определению того, что следует считать достоверным и правильным, что удовлетворительно служит задачам развития политico-правовых знаний. Принципиально ясным выглядит ответ на вопрос, какие типы знаний относить к предмету данной дисциплины – учения. Однако важно определить: что такое учение и какие иные формы теоретических знаний о политico-правовой сфере жизни общества могут сюда относиться? Какие конкретно типы и жанры политico-правовых размышлений или учений следует включать в предмет соответствующей дисциплины.

Не случайно в области истории политической и правовой мысли или истории философии права звучат призывы к различию собственно философской и исторической части или, что то же самое, теоретической и конкретно-исторической. По крайней мере в литературе последних двух столетий различие теоретической и конкретно-исторической частей является заметным и последовательным приемом. Наряду с этим в приведенный набор ракурсов предлагается включать социально-политический или социально-практический компонент, показывающий замыслы автора и практическую нацеленность, наличие своего рода программы действий, призывов к современникам (как у Иеринга или Маркса) и др. Например, у американских юристов XX в. или британских прагматистов практическая нацеленность является самой наглядной чертой, отесняющей другие.

По своей культурной, языковой и прочей аналогичной специфике каждая зрелая общность, народ или государство будут непременно использовать такую модель построения политico-правовых знаний, которая удовлетворительно служила бы цели легитимации их собственного взгляда на эти процессы. Поэтому в истории политico-правовой мысли часто заметны идеологические ограничения, односторонние трактовки, попытки исключения других альтернативных трактовок и т. п. Отсюда вытекает важнейшая задача для надлежащей реконструкции политico-правовых знаний – это обеспечение их полноты и достоверности, критического анализа, адекватного сопоставления и сравнения.

Сейчас в основном используются модели концепции философии истории Гегеля, который, конечно же, занимался реконструкцией политico-правовой мысли таким образом, чтобы показать преемственную связь немецкой мысли с античными авторами, как безусловным авторитетом в области философии. В такой модели читается движение от античной философии, сознательно исключая в основном промежуточные звенья – например в виде арабской философии, через возделывание

философии для нужд католицизма и в итоге к обретению немцами протестантской философии, когда философия стала заниматься проблемами и темами протестантизма. В истории философии присутствует ложный посыл о том, что вместе с протестантизмом философия как бы отдалась от религии, освободилась от религиозной доктрины. Но это не более чем миф. В протестантских странах, особенно в Англии и Германии, положения протестантизма определили все основные темы так называемой современной философии, в том числе философии права. Поэтому связь философии и религии значительно прочнее и теснее, чем это традиционно утверждается. Соответственно, когда речь идет о философии права в немецкой, английской или французской интерпретации, то следует быть внимательным к тем вопросам, которые на самом деле определяют содержание, объем и специфику соответствующей национальной модели. Нельзя надлежащим образом выяснить содержание политико-правовой мысли разных народов, не учитывая своеобразие общественно-религиозного сознания, языка, литературных и эстетических форм, культурных и историософских идеалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобынин В. В.* Философское научное и педагогическое значение истории математики. М., 1886. С. 1.
2. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М., 2011. С. 9.
3. *Горбань В.С.* «Чистые» учения о праве: их многообразие в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки // Журнал росс. права. 2023. Т. 27. № 12. С. 68–84.
4. *Горбань В.С., Груздев В.С.* О реалистичности правового реализма // Право и политика. 2023. № 10. С. 24–37.
5. *Гуссерль Э.* Логические исследования / разрещ. авт. пер. с нем. Э.А. Берштейн; под ред. и с предисл. С.Л. Франка. СПб., 1909. Ч. 1.
6. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы: роман. СПб., 2012. С. 262–282.
7. Изборник: сб. произв. литературы Древней Руси / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева; вступ. ст. Д.С. Лихачева, с. 5–26. М., 1969. С. 8, 14.
8. *Иларион* (митр. Киевский; XI в.). Слово о Законе и Благодати / реконструкция древнерус. текста Л.П. Жуковской; пер., вступ. ст., с. 5–27, В.Я. Дерягина; comment. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского. М., 1994.
9. История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1985. С. 27–71.
10. *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М., 1994. С. 56.
11. *Леонтьев А.Н.* Эволюция, движение, деятельность. М., 2012. С. 186, 189.
12. *Лихачев Д.С.* Русская культура. М., 2022.
13. *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы: опыт прошлого и перспективы. М., 1996.
14. *Фейербах П.И.А.* Уголовное право. СПб., 1810. Кн. 1. С. 2.
15. *Atiyah P.S.* Pragmatism and Theory in English Law. London, 1987. Pp. 3, 4.
16. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Bülesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004. S. 70, 77.
17. *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.
18. *Hart H.* The concept of law. 3rd ed. Oxford, 2012.
19. *Hugo G.* Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil: Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. Berlin, 1799.
20. *Husserl G.* Recht und Zeit. Frankfurt am Main, 1955. S. 14.
21. *Holmes O. W.* The path of the law // Harvard law review. Vol. X. 1897. No. 8. Pp. 457–478.
22. *Jhering R.* Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig, 1852.
23. *Jhering R.* Der Kampf um's Recht. Wien, 1872. S. 14.
24. *Jhering R.* Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904.
25. *Jhering R.* Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil: Th. 2, Abth. 1. Leipzig, 1854. VIII.
26. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.
27. *Jhering R.* Law as a means to an end / transl. from the German by Isaac Husik – lecturer on philosophy in the University of Pennsylvania, with an editorial preface by Joseph H. Drake – Professor of law in the University of Michigan and with introductions by Henry Lamm – justice of the supreme court of Missouri and W.M. Geldart – Vinerian Professor of English Law in the University of Oxford. Boston, 1913.
28. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen; Wien, 2017. S. 21.
29. *Llewellyn K.N.* On philosophy in American law // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 82. 1934. No. 3. Pp. 205–212.
30. *Merkel A.* Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur “positiven” Rechtswissenschaft und zum allgemeinen Theil derselben // Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 2 Teile in 1, Band 1. Wien, 1874. S. 402–421.
31. Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert / hrsg. von Winfried Brugger, Ulfrid Neumann und Stephan Kirste. Frankfurt am Main, 2008.

REFERENCES

1. *Bobynin V.V.* Philosophical scientific and pedagogical significance of the history of mathematics. M., 1886. P. 1 (in Russ.).
2. World history: in 6 vols / ch. ed. A.O. Chubaryan. Vol. 1: Ancient World / res. ed. V.A. Golovina, V.I. Ukolova. M., 2011. P. 9 (in Russ.).
3. *Gorban V.S.* "Pure" doctrines of law: their diversity in the history of legal thought and influence on the nature of modern legal science // Journal of Russ. law. 2023. Vol. 27. No. 12. Pp. 68–84 (in Russ.).
4. *Gorban V.S., Gruzdev V.S.* On the realism of legal realism // Law and politics. 2023. No. 10. Pp. 24–37 (in Russ.).
5. *Husserl E.* Logical research / author's permission. transl. from German by E.A. Berstein; ed. and with a preface by S.L. Frank. SPb., 1909. Part 1 (in Russ.).
6. *Dostoevsky F.M.* Brothers Karamazov: novel. SPb., 2012. Pp. 262–282 (in Russ.).
7. Izbornik: collection of works of literature of Ancient Russia / comp. and the general ed. of L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev; introduction by D.S. Likhachev, pp. 5–26. M., 1969. Pp. 8, 14 (in Russ.).
8. *Hilarion* (Metropolitan Kievsky; XI century). The Word about Law and Grace / reconstruction of ancient Russ. text by L.P. Zhukovskaya; transl., intro. art., pp. 5–27, V. Ya. Deryagin; comment. V. Ya. Deryagin, A.K. Svetozarsky. M., 1994 (in Russ.).
9. The history of political and legal doctrines. The Ancient World / res. ed. V.S. Nersesants. M., 1985. Pp. 27–71 (in Russ.).
10. *Kant I.* Collected works: in 8 vols. Vol. 3. Criticism of pure reason. M., 1994. P. 56 (in Russ.).
11. *Leontiev A.N.* Evolution, movement, activity. M., 2012. Pp. 186, 189 (in Russ.).
12. *Likhachev D.S.* Russian culture. M., 2022 (in Russ.).
13. *Nersesants V.S.* Law – mathematics of freedom: past experience and prospects. M., 1996 (in Russ.).
14. *Feuerbach P.J.A.* Criminal Law. St. Petersburg, 1810. Book 1. P. 2 (in Russ.).
15. *Atiyah P.S.* Pragmatism and Theory in English Law. London, 1987. Pp. 3, 4.
16. Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart / Kaufmann; Hassemer; Neumann (Hrsg.). Mit Beitr. von Alfred Bülesbach ... 7., neu bearb. und erw. Aufl. Heidelberg, 2004. S. 70, 77.
17. *Feuerbach P.J.A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.
18. *Hart H.* The concept of law. 3rd ed. Oxford, 2012.
19. *Hugo G.* Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil: Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. Berlin, 1799.
20. *Husserl G.* Recht und Zeit. Frankfurt am Main, 1955. S. 14.
21. *Holmes O.W.* The path of the law // Harvard law review. Vol. X. 1897. No. 8. Pp. 457–478.
22. *Jhering R.* Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig, 1852.
23. *Jhering R.* Der Kampf um's Recht. Wien, 1872. S. 14.
24. *Jhering R.* Der Zweck im Recht. Teil: Bd. 1. 4. Aufl. / erste Ausg. in volkstümlicher Gestalt. Leipzig, 1904.
25. *Jhering R.* Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil: Th. 2, Abth. 1. Leipzig, 1854. VIII.
26. *Jhering R.* Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen, 1998.
27. *Jhering R.* Law as a means to an end / transl. from the German by Isaac Husik – lecturer on philosophy in the University of Pennsylvania, with an editorial preface by Joseph H. Drake – Professor of law in the University of Michigan and with introductions by Henry Lamm – justice of the supreme court of Missouri and W.M. Geldart – Vinerian Professor of English Law in the University of Oxford. Boston, 1913.
28. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre: mit einem Anhang: das Problem der Gerechtigkeit; unter Berücksichtigung von Kelsens Änderungen anlässlich der Übersetzung ins Italienische 1966 herausgegeben und eingeleitet von Matthias Jestaedt. Studienausgabe der 2. Auflage 1960. Tübingen; Wien, 2017. S. 21.
29. *Llewellyn K.N.* On philosophy in American law // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 82. 1934. No. 3. Pp. 205–212.
30. *Merkel A.* Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur "positiven" Rechtswissenschaft und zum allgemeinen Theil derselben // Zeitschrift für das privat- und öffentliche Recht der Gegenwart, 2 Teile in 1, Band 1. Wien, 1874. S. 402–421.
31. Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert / hrsg. von Winfried Brugger, Ulfrid Neumann und Stephan Kirste. Frankfurt am Main, 2008.

Сведения об авторе

ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич –
доктор юридических наук,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного Центра
философско-правовых исследований
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GORBAN Vladimir S. –
Doctor of Law,
Head of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Head of the Interdisciplinary Center
for Philosophical and Legal Studies,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia